

Известия - 2000 - 29 авг. - с. 10

Владимир АНДРЕЕВ:

Я многое упустил, но ни о чем не жалею

Разговор с человеком, сохранившим театральный Дом

Владимиру Андрееву исполнилось семьдесят лет, и накануне своего юбилея он дал интервью «Известиям» — в Театре им. Ермоловой, который он возглавляет, прошел сбор труппы перед открытием нового сезона.

— Вы пришли в Театр Ермоловой очень давно, вы — лобановский ученик. Расскажите, каким был тогда этот театр и кем для вас стал его руководитель — замечательный русский режиссер Андрей Михайлович Лобанов.

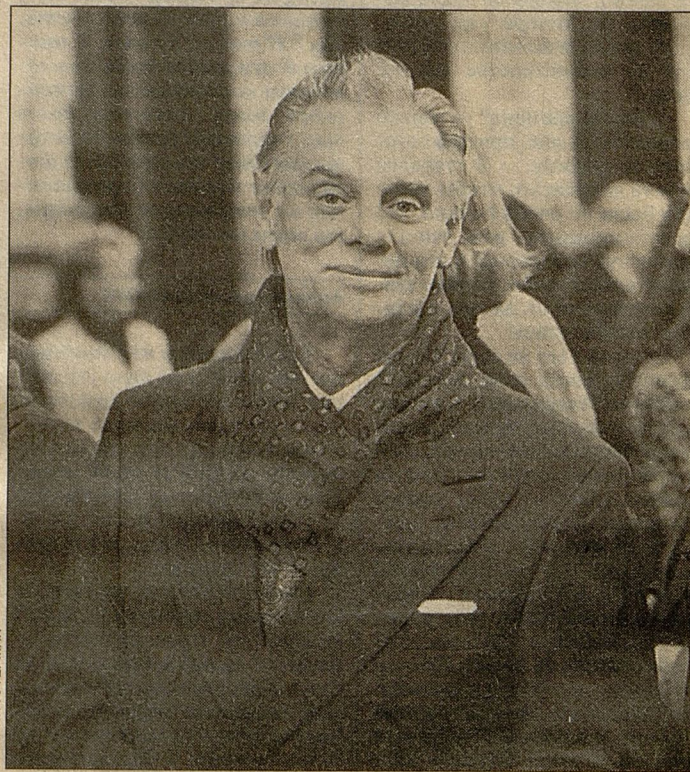
— Хорошо, что вы с этого начали, ведь несколько дней назад исполнилось 100 лет со дня рождения Андрея Михайловича... А пришел я в театр рано — театральная студия спасла меня от улицы. В послевоенные годы улица затягивала в разные компании (из некоторых можно было и не выбраться), но мой школьный товарищ отвел меня к потрясающему театральному педагогу Ольге Ивановне Лариной. Там была замечательная компания — десятиклассники, студенты ГИТИСа. В него и отправил меня студент первого курса Шуйкина училища Ролан Быков: «Поступай в ГИТИС, там Лобанов курс набирает». Лобанов виделся мне мрачным человеком в гимнастерке и с большим лбом — а оказался типичным чеховским интеллигентом, как я их тогда себе представлял. Он взял меня к себе на курс, а потом и в театр. Давал мне большие роли. Он сделал из меня артиста, его имя для меня до сих пор свято. С тех пор вся моя жизнь связана с этим коллективом: и с теми, кто уже ушел (а это и Якут, и Соловьев, и Эсфирь Кириллова, и Семен Гушанский, и многие другие), и с моими сегодняшними товарищами по труппе. Ей все-

гда была свойственна потрясающая привязанность к тому, что называется «служением делу», хотя Театр Ермоловой и был славен умением убирать главных режиссеров. Но наш театр всегда оставался Домом: одно время он был расколот на две труппы, но теперь снова един. И мы по-прежнему ставим спектакли — разные по своим художественным качествам, но всегда находящие дорогу к зрителю.

— Вы очень большой, тонкий, глубокий артист. Скажите, вы никогда не жалеете о том, что стали главным режиссером? Из-за этого вы гораздо меньше сыграли, к тому же у вас была масса тревожений. Режиссер Андреев многое отнял у Андреева-артиста.

— Так и есть. Если бы не театральные заботы, я бы сделал гораздо больше. Но меня позвали на театр мои коллеги, я ни у кого власть не отнимал. «Старик» Ермоловского театра пришли ко мне и сказали: возглавляй. И я возглавил. Первые свои спектакли я строил чутьем, «ноздрей» — я еще мало понимал в этой профессии. Боюсь показаться нескромным, но у меня получалось. Может быть, потому, что в моих спектаклях работали замечательные мастера Ермоловского театра.

Но борьба за театр отнимала и время, и энергию. Я отказывался от многих ролей в кино. Я многое упустил и на театральной сцене. Вы знаете, я об этом не очень жалею. Зато мне удалось

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

Владимир Андреев верен своим зрителям

кое-что сделать для Театра Ермоловой. И это главное.

— О том, как у вас убирали главных режиссеров, я знаю по книгам. По книгам я знаю и о том, каким чудом был прежний Театр Ермоловой. И все же феномен Лобанова для меня остается загадкой. Чем его театр отличался от других театров Москвы, в чем заключались его режиссерское новаторство, особость, художественный секрет?

— Рассвет Ермоловского театра был довольно короткий, и

вершено непохожа на то, о чем писал драматург, — и на сцене возникал потрясающий ступор жизни, заставляющий зрителя и думать, и страдать. Атмосферу Лобанов создавал потрясающе, отрицательные персонажи у него часто бывали убедительнее положительных. За это его и били. А отношения с труппой... Да, здесь все было непросто.

Однажды Андрей Михайлович шел в ГИТИС, где преподавал, и встретил одну из своих поклонниц.

— Ну как?

— Они не знают, что творят. Но все-таки они мои дети. Плохо воспитанные, неверные — но дети...

— Почему же на Лобанова ополчилась труппа?

— Давление сверху помогало тому, что закипало внутри театра. После того как спектакль Андрея Михайловича «Гости» (пьеса Зорина) разбили в пух и прах, он стал хворать. Кому-то он не давал роли, на которые преподавал тот или иной мастер — остановившийся в движении, либо постаревший... Театр — дело непростое. А Андрею Михайловичу, больному, ослабевшему, приходилось особенно тяжело: умер Сталин, и он очень рано поверил, что пришло время говорить со сцены правду. И его за нее били. Внутри театра нашлись люди, которые этим воспользовались. Когда Лобанова не стало, они казались в том, что сделали. Но Андрей Михайлович и сам не держался за театр — он был уже очень болен. И не затаил на него сердце. Когда его приглашали восстанавливать старые спектакли — он соглашался. И как же он репетировал!

— Лет десять назад театр занимал одно из первых мест в иерархии искусств. Нынче он как-то пожух...

— Не согласен с вами. Я много езжу по стране и чувствую ту волну добра и любви, которая идет на сцену из зала. В этом году двор ГИТИСа забит молодыми людьми — они рвутся на актерский факультет. Четыре года назад молодежь шла на продюсерский, в бизнес, а теперь она тянется к сцене.

Может быть, формы общения со зрителем должны видоизменяться, может быть, традиционный спектакль устарел... Но я не могу пожаловаться на то, что прошлый сезон у нас был провальным, — большой зал Театра Ермоловой был заполнен в среднем на две трети. В наше время это немало — днем на Пушкинской площади рванет взрыв, и зритель думает: то ли ему выбросить билет, то ли идти на спектакль. А малая сцена у нас и во все полна. Наш зритель — учитель, врач, пенсионер — от нас не уходит.

— Что вы хотели бы сыграть?

— Царя Максимилиана в пьесе Ремизова. Странное произведение. Произведение, сотканное на страдании о погубленной России, — автору чудом удалось выехать из страны в 1921 году... И вместе с тем сколько озорства, сколько желания доказать, что мы еще живы. И как же все это переключается с сегодняшним днем!

А что я хотел бы сыграть в будущем... Об этом я пока умолчу. Даст Бог, вы эти роли еще увидите.

Алексей ФИЛИППОВ